

Кира Каулиц
СЧИТАЙ ЗВЁЗДЫ

ПРОЛОГ

Мне часто снился один и тот же сон...Будто мы с Ванькой стоим одни в лесу, а вокруг начинается сильная буря, набегают черные тучи, звёзды как бомбы начинают падать на наши головы.

Они падают на землю, сжигая всё на своём пути. Загораются земля, трава, деревья, вверх поднимаются столбы огня, земли и дыма, мы пытаемся убежать из этого ада, понимая, что это вовсе не звёзды, а какие-то живые существа были выпущены на нас сверху.

– Остановитесь! Прекратите! Пожалуйста-а-а-а! – кричу я, падая на колени, и просыпаюсь от своего крика...

Глава 1

ГЛАЗА

Я смотрю в чужое небо из чужого окна,

И не вижу ни одной знакомой звезды.

Я ходил по всем дорогам и туда и сюда,

Обернулся и не смог разглядеть следы.

Я люблю слушать песни Виктора Цоя. Хотя Лида и говорит мне, что это необычный выбор для двенадцатилетней девочки, я их понимаю, эти песни. А вообще, меня научил их слушать Ваня – он всегда говорил, что в них очень много смысла.

Лида – мои Глаза. Я никогда не видела её, а вот она помогает мне «видеть» все, что происходит вокруг. Она читает мне книжки, рассказывает истории обо всем, что происходит там, за окном.

– Сейчас на улице ночь, – говорит она, крепко сжимая мою руку, – за окном горят фонари, освещают пустые улицы...

– Лид, а звезды? – перебиваю её я. – На небе есть звёзды? Хочешь, я расскажу тебе про них?

Любовь к звёздам ко мне перешла от папы. Он преподавал в школе, и тяга к астрономии захватила и меня. В пять лет я знала наизусть имена множества звезд и созвездий и могла безошибочно найти их на небе. А на свой день рождения я получила чудесный подарок: папа подарил мне сертификат, в котором сообщалось, что одна из звезд Кассиопеи названа моим именем...

Это было всего два года назад... А ведь кажется, что в прошлой жизни! Но иногда и два года – это целая жизнь, особенно когда события разворачиваются так молниеносно, что ты не успеваешь их принять и осознать...

Вечер. Мы сидим в кабинете у Лиды. Она психотерапевт и знает, как общаться с такими как я. Сейчас она учит меня проходить все стадии горя, а ещё она учит меня вспоминать, не боясь принять то, что со мной произошло. Вот сегодня, например, она расставляет на столе какие-то предметы, и я начинаю изучать их руками, «видеть».

– Это дом, – уверенно говорю ей я, – маленький домик с крышей, у него дверь и... крыльцо.

– Он похож на ваш? – спрашивает она, и я чувствую, как волна ужаса опять окатывает меня с ног до головы.

Наш Дом...

Развороченные стены с дырами вместо окон, груды извёстки и кирпича возле дверей – вот каким в последний раз я видела этот дом...

– Наш дом... большой... был, – тихо отвечаю я крутя в руках фигурку, – мы жили в общежитии...

– Общежитие? Невзрачное серое здание? – уточняет она.

– Нет! – отвечаю обиженно. – Дом был красивый! Там на воротах даже львы были! Одного мы звали Зевс, а второго – Гошка, у него ухо было отбито...

После тяжёлой травмы и контузии я потеряла память. В больнице еле вспомнила, как меня зовут. Со временем память стала потихоньку возвращаться, но воспоминания накатывали какими-то волнами, и я путано и сбивчиво пыталась рассказать Лиде то, что вспоминала, а Лида быстро записывала за мной красивым «взрослым» языком...

...Наш дом находился на самой окраине посёлка. Это был огромный двухэтажный дом, с двумя крытыми мансардами, четырьмя балконами. Он был огорожен высоким забором и воротами с охраняющими его гипсовыми львами, которыми мы, дети двора, ужасно гордились.

Говорили, этот дом раньше принадлежал какому-то помещику, а потом его перестроили в семейное общежитие, в котором поселились работники находившегося неподалёку завода.

Дом делился на две части – с двумя входами, двумя коридорами. В каждой из многочисленных комнат ютилась семья из трех, а то и более человек. Жизнь тут была достаточно тяжёлая, и если снаружи наш дом выглядел прямо-таки по-царски, то внутри было всё очень бедно и неблагоустроено. Мылись все в общей ванной, две кухни на разных концах дома тоже были общими. Летом мы жили без горячей воды, зимой были перебои с отоплением. Но я всё равно любила свой дом, и каждый раз, когда я заходила в его ворота, мир и покой наполняли мое сердце.

Здесь всё было на своих местах. Всё как надо. На лавках перед домом сидели и мирно разговаривали бабушки, хозяйки развешивали бельё или выбивали половики, а мои друзья и подружки рассекали по двору на велосипедах и самокатах.

В тяжёлых условиях люди обычно сплачиваются, начинают друг другу помогать, и не знаю, как в других больших общежитиях, но мы жили одной дружной семьёй. Вместе праздновали дни рождения, вместе жарили шашлыки по субботам.

Веселее всего было летом... С интернетом в это время всегда были страшные перебои, и мы гурьбой высыпали на улицу, играли в прятки, строили шалаши, а вечерами собирались всем двором и делились друг с другом секретами и маленькими происшествиями, которых у нас, как и в каждом большом дворе, было полно. Эти дворовые секреты свято хранились, часто обсуждались и передавались младшему поколению. Одной из таких вечно обсуждаемых тем был наш старый подвал. Кто-то из мальчишек раз сболтнул, что это и не подвал вовсе, а склеп, и с тех пор мы часто рассказывали друг другу леденящие кровь истории о зомби и привидениях, обитающих в подполе нашего дома.

Много историй было посвящено и нашим гипсовым львам, ведь мы все прекрасно знали, что эти два льва не так просты, как кажутся, и специально поставлены сюда, чтобы охранять нас от воров и призраков, обитающих в подвалах дома. Своих львов мы любили настолько, что знали их не только по именам, но и по характеру. Зевс, например, был серьёзным и степенным; спрыгивая со своего столба, он аккуратно обходил на мягких лапах свои

владения и не позволял себе шалостей. Гошка же, наоборот, был весёлый разгильдяй, и, играя, мог нечаянно помять цветы или перевернуть скамейку. Зевс часто одергивал Гошку, но тот редко его слушал и часто попадал в неловкие ситуации... Ухо, кстати, он себе отбил именно из-за своего хулиганства! Кому-то из нас по характеру больше нравился весёлый Гошка, кому-то – серьёзный Зевс, но львы нам действительно помогали. У нас даже было поверье, что если залезть на забор и потереть обоим львам носы, то обязательно напишешь хорошо диктант или контрольную. Если, конечно, подготовишься.

...После занятий Лида ведет меня в парк. Мы часто приходим сюда, чтобы я училась ориентироваться на местности. Дорожки в парке гладенькие, ровные, и я, стуча перед собой тростью, учусь ходить без посторонней помощи. Ходить самой иногда у меня получается хорошо, а иногда не очень. Прошлый раз я сильно воткнулась в какого-то дяденьку, а в этот раз на меня налетела девчонка на роликах. Задела она меня не сильно, но долго извинялась и передо мной и перед Лидой. Я быстро её простила. Она же не нарочно, я, бывало, и сама нечаянно налетала на кого-нибудь, когда мы с девчонками учились кататься. У нас не было своих роликов, но к моей подруге Алине иногда приходила в гости её двоюродная сестра, приносила свои ролики – красивые, бело-розовые, и мы по очереди тренировались. Теперь эти чудесные дни детства кажутся мне самыми замечательными, самыми волшебными, ведь тогда мы смотрели на мир наивными детскими глазами. Мы наслаждались жизнью, жгли костры, гуляли до самой ночи. Мы знали, что любимый двор всегда угостит нас яблоками и вишней из своего сада, мальва подарит цветы для украшений, а гипсовые львы сэберегут наши секреты и сохранят наш покой.

А между тем с запада на нас уже надвигалось что-то большое, злобное, страшное...

Глава 2

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

В нашей жизни всё меняется...

Проходят годы, сменяют друг друга люди, и даже целые цивилизации уходят в небытие, не меняются почему-то только звёзды. Эти маленькие бриллианты, разбросанные по небу... Знаете, говорят звёзды – они одинаковые везде! И за океаном, и в далёкой пустыне, и в холодной Арктике они кажутся всё такими же далёкими и красивыми. Они, кажется, всё понимают, и тоже смотрят на нас с высоты, и так хочется иногда

поговорить с ними и спросить: «Звёзды, а вы помните как чудесно вы светили мне на моей далёкой родине?»

– Леся Ткаченко, на перевязку! – слышу я опять знакомую фразу. – Олеся Ткаченко ходячая?

– «Бегающая», – ворчу сердито, рукой нащупывая тросточку, с помощью которой я теперь передвигаюсь.

В больнице дни летят незаметно, потому что один как две капли воды похож на другой. Здесь всё идёт по графику, и никуда от него не денешься... Сначала меня поведут в перевязочную, где будут долго и больно отдирать бинты, а потом к доктору, на осмотр. Все эти процедуры, конечно, будут сопровождаться болью и страхом, и в такие моменты мне очень не хватает Лиды. Её теплых рук, её ласкового голоса...

После процедур меня приводят в игровую. Мне здесь неуютно. Здесь много детей, и они кричат... а когда они бегают вокруг меня, я начинаю бояться, что они меня сшибут.

– Давай я тебя буду из «Града» обстреливать! – доносятся до меня голоса. Это «наши», я узнаю их из тысячи!

– Мальчишки, мальчишки! Вы откуда? Как вас зовут? – кричу в темноту, но не получаю ответа. Им некогда. У них свои игры. Им не до меня.

– Кто-нибудь, посадите меня на диван! – сердито прошу я, и скоро опять оказываюсь один на один со своими воспоминаниями и темнотой...

Детство у меня было счастливое, и за это я очень благодарна одному замечательному человеку – моему папе. Его образ чётко сохранился в моей памяти...

Он среднего роста, подтянутый, слегка седоватый – очень видный мужчина. Многие женщины засматривались на него, и он, наверное, мог бы жениться, но воспитывал меня один. Мама умерла, когда мне было всего пять. Он очень тяжело пережил её смерть, и с тех пор вся любовь его сердца доставалась только мне.

Я росла в неполной семье, но папа делал всё, чтобы я не чувствовала себя обделённой. Он брал по три ставки в школе, чтобы зарабатывать побольше и покупать мне новые вещи и наряды. Летом ездил работать в лагерь, чтобы и я тоже пожила немного на свежем воздухе, и, конечно, он уделял мне очень много времени.

Вместе мы ходили на экскурсии, гуляли в парках, изучали звёзды. Своими руками он собрал небольшой телескоп, и по вечерам мы залезали на крышу,

и время для нас как будто замирало – на небе блестели звёзды, дул ласковый ветер... Вокруг было тихо-тихо, и в такие моменты мне почему-то всегда хотелось плакать...

Вы только не подумайте, что я только и занималась тем, что смотрела на звёзды. Нет, у меня было самое обычное детство с друзьями, интернетом и дворовыми играми.

Ребят в нашем общежитии было полно. Почти в каждой комнате было по один-два, а то и по три ребёнка и, чтобы различать друг друга, вместо фамилии мы называли номера квартир. Получалось очень забавно! Ульянка из пятой, Макар из двенадцатой, Герка и Юрка из второй.

Прямо напротив нас, в комнате номер семь, жила моя лучшая подруга Алиса. Не знаю как остальным, но мне она казалась самой красивой и весёлой девочкой на свете. Мне нравились её черные волосы, большие глаза. А ещё Алиска была прирождённым лидером, заводилой во всех дворовых играх, и лучше всех пела и играла на пианино. Старое пианино занимало полкомнаты.

Через две комнаты от нас жила наша другая подружка – Ульяна. Она любила покушать и не любила спорт, но зато лучше всех разбиралась в компьютерных играх, и даже Макар, «застряв» в какой-нибудь игре, приходил к ней за советом.

Третья наша подружка, Дарина, жила в другом подъезде и была на три года младше нас, но это не мешало нам хорошо общаться.

Макар и Деньчик были главными в нашем дворе – оба были хулиганистые, но не злобные. Они были просто не разлей вода! Гоняли на велосипедах. Макар очень любил на часок-другой «подкинуть» нам свою сестрёнку – Полинке было пять лет, и если мальчишкам она только надоедала, то нам нянчиться с ней очень даже нравилось.

Во доме жили и другие малыши – Гера, Юрка, маленький Глеб. Летом, когда их всех выпускали во двор, Алиса любила устраивать «детский сад».

Рассказывая о детях и их квартирах, я специально пропустила квартиру под номером девять. Мимо этой квартиры вообще все старались пройти незамеченными, поскольку в ней жил... жил. В общем, жил в ней один человек...

Доброе утро, последний герой!

Доброе утро тебе и таким, как ты...

(В. Цой)

Он сидел на подоконнике и смотрел в окно. Шуметь ему сейчас было нельзя, и поэтому он старался заниматься своими делами. Слушал музыку, рисовал ручкой на старых обоях и ждал пока кто-нибудь из его многочисленных братишек и сестричек проснётся.

Неблагополучная семья. Так называли их все вокруг. Это выражение очень злило его, хотя он и сам знал, что хвастаться им нечем... Отец – пьяница. Мачеха не лучше. И мелькают за окнами названия разных городов, и ни в одном из них нет им места...

Ваня Бессонов был вторым ребёнком в семье. С двадцатилетним Захаром они были родными братьями. Остальных пятерых мальчиков и девочек родила отцу вторая жена – Дашка. С ней у Ваньки отношения не сложились, но братишек и сестрёнок он всё-таки любил. Родные же. Как их не любить. Вот сбились от холода в клубочек Васька и Витька, на голом матрасе без одеяла вдвоём теплее. Вот мирно посапывают Вовка и прижавшаяся к нему трехлетняя Лизочка, они младшие, и о них Дашка всё-таки заботится. А вот и Маша – самая любимая сестра. Раскинулась. Он уступил ей целый матрас и тёплое одеяло.

– Маша, ты спишь? – Ванька дёрнул её за прядь волос. – Вставай, мне скучно одному...

– Сейчас будет весело! У нас же во дворе разборки сегодня! – встрепенулась девочка и начала расталкивать спящих братишек.

– А, ну да. Разборки... – вспомнил Ванька. Как он мог забыть! – Маш, а может, ну их? Может, лучше пожрать что-нибудь поищем? – предложил он.

– Ты мой старший брат! Ты должен за меня заступаться! – завела сестра знакомую песню. Вот так всегда! Вечно она испортит со всеми во дворе отношения, а ему разбираться.

В общегитии они были новенькие, и местные ребята их сперва приняли очень дружелюбно, но потом Машка то ли из ревности, то ли ещё по каким-то причинам начала ссориться с дворовыми. Хотя жить здесь, в общеге, ей очень нравилось. Двор тут был хороший. И качели, и футбольное поле, и гаражи, по крышам которых они постоянно бегали.

Дворовые мальчишки к разборке готовились серьёзно. Это было видно по палкам, которые они держали в руках, и по их напряжённым лицам. Глядя

на них, Ванька только усмехнулся. Он и его братишки и сестра стояли на гаражах и сверху вниз глядели на своих противников, дразнили и кривлялись: «Чего вы там шепчетесь? Бойтесь?» Вообще-то, в большинстве ссор Бессоновы были виноваты сами. Они частенько задирались, чуть что обижались и обзывались в ответ на обиду.

Макар и Денчик собрали много ребят. На их стороне было уже человек десять, некоторые даже были из седьмого, но первыми они почему-то не начинали. Посмеивались, перекидываясь грушами. Видимо, побаивались.

– Ванька, начинай, – скомандовала Маша, ведь пацанами верховодила именно она, и даже он, Ванька из-за какой-то слепой братской любви ей подчинялся.

Он медленно слез с гаража, засунул руки в карманы и подошёл к ребятам. Драки он вообще не боялся. Он знал, что к нему относятся с опаской, что даже семиклашки не хотят с ним связываться.

– Ну что, Макар? Один на один?

После такого предложения Макар заметно занервничал. Всё-таки драка – это вам не в «Варкрафт» резаться...

– Неее... мне... нельзя. Майка белая – пачкать не охота... – скрывая страх, сказал Макар. Младшие Бессоновы совсем осмелели и с криками посыпались с крыши.

Мальчишки дрогнули. Как тут не дрогнуть, когда на вас бежит целая орда! Рванул Макар, за ним, сверкая пятками, Денчик, а потом и девочки, видя, что их защитники разбежались, с визгом бросились врассыпную.

Вообще-то Ванька драться сегодня и не собирался. На данный момент был очень голоден и думал только о еде, но в угоду Машке он помахал немного палкой. Жертву выбрал самую безобидную – дочку своего классного руководителя. Единственного учителя, которого он искренне уважал, а все потому, что Евгений Павлович тоже хорошо к нему относился, и уроки вёл интересно. А один раз он даже покормил его на кухне.

– Ну чего ты дрожишь-то? – улыбнулся он, глядя на девчонку, стоящую напротив него. – Иди, отпускаю. Папка у тебя хороший... очень.

– Ванька-а-а-а! – услышал он громкий рев. На пороге стоял его отец – лохматый, злой, чернобородый мужик. Его «монолог» Ванька выслушивать не собирался, достал и кармана наушники и ушёл, углубившись в мир своей любимой музыки.

Казалось, только Виктор Цой понимал его. Его песни цепляли за живое. Цой знал всё. Он знал и про Ванькино одиночество, и про печаль, давно поселившуюся в его сердце, и про его необъяснимое желание противостоять всему миру, потому что он, Ванька, в этом мире какой-то чужой, ненужный...

Глава 3

МОЯ ВОЙНА

Уже второй месяц я нахожусь на лечении в одной из столичных клиник. С недавних пор мой мир ограничен только её стенами, но я всё никак не привыкну к больничным запахам, постоянному распорядку, и тяжёлой гнетущей обстановке. Иногда дни проходят очень даже гладко. Я ни с кем не ругаюсь, не вляпываюсь ни в какие истории, не хватаю замечаний от врачей. Но иногда, из-за постоянного напряжения и волнения, я попадаю в ужасно неприятные ситуации.

Так как в больнице я нахожусь уже долго, мне частенько приходится переходить из отделения в отделение, менять палаты. В тот вечер мне тоже пришлось переехать в новую палату и познакомиться с новыми соседками. Вечером мы как обычно приготовились ко сну. В десять в больнице был объявлен отбой, свет был выключен во всех палатах, и только я, совсем независая от света, ходила туда-сюда. Я повесила полотенце на край кровати, на ощупь перебрала содержимое своей косметички и хотела было уже лечь. Но тут началось ЭТО. За окном вдруг что-то бахнуло и взорвалось. От страха я присела, пытаюсь понять, что это, но вдруг взрыв повторился, загрохотало ещё раз и ещё... – это была целая череда взрывов, и я, наконец, поняла, что это!

– Ложись! – закричала я и бросилась на пол. Неужели опять? Неужели и здесь война?! За окном всё свистело и грохотало. – Под кровать! В укрытие! – Я заметалась по полу. Взрывы слышались недалеко от нас, если осколком разобьют окно, нас перережет стёклами!

– На пол! На пол быстрее! – орала я, пытаюсь залезть под кровать. Сначала мне казалось, что я слышу испуганные крики девочек, но потом я поняла, что это совсем не крики, это... смех! Истерично громкий смех раздавался в комнате, и я не понимала его причину... Интересно, над чем они смеются?! Неужели они не понимают, какая опасность им грозит?

– Вы что, сдохнуть хотите?! – заорала я, и на наши крики в палату вбежала медсестра.

– Кто кричит? Что вы тут устроили?

– Ирина Викторовна, эта девочка ненормальная! Она салюта боится! Под кровать полезла!

– Салют? Так это был всего лишь салют? – наконец поняла я... Горькая обида накрыла меня с головой. Мне даже из палаты пришлось выйти. Мне было так больно, так неприятно... Да кого же из меня сделала эта война?!

– Лесенька! Олеся! – слышу я вдруг издалека, и моё сердце радостно сжимается. Так как я теперь распознаю мир только по звукам, то и людей я «вижу» по голосам. А этого человека я «видеть» очень рада!

– Лида! – я нащупываю палку, иду на знакомый голос.

– Ну как ты? Успокоилась немного после вчерашнего? – интересуется она.

– Да какой там успокоилась! – я готова произнести долгую и гневную речь.

– Они ведь даже не извинились! Я-то думала, стреляют, а это всего лишь салют оказался... А я ведь не вижу его... не вижу... Мне так плохо, так неприятно, так стыдно...

– Лесенька, перестань сейчас же плакать, тебе не должно быть стыдно, – пытается успокоить меня Лида, – ты же ничего плохого не сделала.

– Но они теперь так и будут надо мной смеяться! Давай попросим, чтобы меня в другую палату перевели? Они злые и глупые... Ненавижу их!

Лида молчит. Она не говорит ничего, просто прижимает меня к себе, гладит по голове, и я потихоньку успокаиваюсь.

– А хочешь, в парк пойдём? – слышу я наконец-то её тихий голос.

Узнавать её по голосу я начала уже в самый первый день моего пребывания в больнице. Она работала здесь волонтером, помогала нам, беженцам. Сначала меня это злило. Я не хотела, чтобы меня донимали, а она всё лезла со своей водичкой и фруктами, как будто ей специально велели постоянно тормошить меня.

Это было трудное время. Я была в тяжёлой депрессии и мечтала умереть, но Лида сумела как-то отвлечь меня, сумела вселить в меня надежду, что моё увечье поправимо, что я когда-нибудь смогу опять видеть. Она ухаживала за мной, когда после операции я не могла вставать с кровати, успокаивала, утешала. И я поверила ей! Я не знаю, откуда она появилась, но она стала моим ангелом...